

БЕСКОНЕЧНОЕ ЛЕТО

Город моего детства пахнет дикой гвоздикой, в изобилии растущей на пустыре за школой, нагретым камнем разрушенного храма – и пылью, бесконечной песчаной пылью неасфальтированных улиц.

Хлопает калитка.

– Алинка, пойдешь гулять?

Недочитанные «мушкетеры» летят в дальний угол дивана, где уже неделю пылятся заброшенные «Повести Белкина»: приключения Д'Артаньяна и компании куда увлекательней всяких барышень-крестьянок.

Перекинуть ноги через подоконник, зацепиться, спрыгнуть – и вот ты уже на узкой тропинке. Напоследок обдаёт облаком сиреневого тумана от куста возле калитки. Впереди – бесконечно долгий летний день.

На пустыре за школой, как обычно в этот час, кроме вас – никого. Пахнет клевером, аптечной ромашкой, мелкой ярко-розовой гвоздикой и еще какими-то белыми цветами, названия которым вы не знаете, но меж собой называете часиками: если приложить раскрытый цветок к уху, услышишь тиканье часов.

Школа – старое двухэтажное деревянное здание, выкрашенное желто-коричневой краской, как и половина домов в городе. Школе лет сто, а может, и больше. Здесь когда-то учился дед –

давно, еще до войны, – а до него – его дед. Говорят, школу хотят закрыть, потому что скоро она развалится, хотя на вид – вполне себе крепкая.

Нагретая утренним солнцем скамейка приятно теплая на ощупь. Ты смещаешь ладонь вдоль границы тени, чтобы вновь и вновь прикасаться к этому солнечному, шероховатому теплу плохо оструганных досок.

– Во что играть будем? – Антоха болтает ногами, перекинутыми по обе стороны скамейки.

Носки его кед задевают серый песок, прочерчивают дорожки, поднимают клубы пыли.

– Не пыли, у меня босоножки новые.

– Не будь занудой! Что как девчонка?

– Я и есть девчонка!

Валерка мечтательно жуёт соломинку, развалившись прямо на земле – закинув руки за голову, подставив лицо теплым солнечным лучам, прикрыв глаза козырьком панамы.

– Придумал! – выкрикивает он и вскакивает, выплевывая соломинку куда-то в траву. – Будем играть в рыцарей!

– Это как? – спрашиваешь ты.

– Очень просто! Я сейчас читаю книгу про Айвенго. Рыцари обычно сражаются на турнирах и спасают прекрасных дам.

– На каких еще турнирах? – недоверчиво спрашивает Антоха.

- Сначала они садятся на коней, скачут навстречу друг другу и пытаются выбить противника из седла... – воодушевленно начинает Валерка.
- А потом? – Антохины глаза загораются предвкушением нового приключения.
- Потом спешиваются и дерутся на мечах, пока не победит сильнейший!
- Здорово! Давайте! – Хочется начать новую игру немедленно. – Только где мы возьмем коней?
- Можно сесть на велосипеды! – радостно отвечает изобретательный Антоха.

Идея лететь с велика в никуда нравится уже гораздо меньше. Да и за испачканное платье дома не похвалят.

- Нет уж. – Ты строишь недовольную гримасу.
- А мы тебе и не предлагаем, – встречает Валерка. – Рыцари обычно сражались за честь дамы. Будешь сидеть на трибунах – то есть на скамейке – и махать платком.
- Отведенная роль не по душе.
- Вот еще! Я тоже хочу быть рыцарем! И у меня нет платка, чтобы им махать.
- Тогда будешь кузнецом. Будешь ковать и чинить оружие. Оно в турнирах часто ломается. – Антоха складывает перед тобой гору палок и дает перочинный нож (которым вы перед тем делили землю). – С тебя мечи.
- Но я не хочу быть только кузнецом! И не хочу быть дамой! Я тоже хочу быть рыцарем и сражаться! – Обида захлестывает. – Девчонки-рыцари тоже были!
- Враки все! Рыцари – всегда парни! Ты придумываешь, чтобы тоже быть рыцарем! – возмущенно восклицает Антоха.
- Вот и не враки! – злишься ты. – А Зена как же? Спор прекращается. «Зену» смотрят все.
- Ладно, – соглашается Валерка. – Будешь рыцарем, но после обеда, когда будем брать замок. А сейчас нам нужна прекрасная дама. Без нее турнир не состоится.
- И кузнец, – добавляет Антоха. – Кто будет чинить оружие, когда наше сломается?

Ты примирительно вздыхаешь.

Солнце встает в зенит, слепит глаза, ласково припекает спину. Порыв теплого ветра сдувает пух с тополей, и его несет, несет над пустырем белыми пушистыми хлопьями, которые вы пытаетесь поймать.

Стремительно-бесконечное северное лето не богато событиями. Заходит к бабушке соседка Егоровна и спрашивает с порога: «Ну что, Ва-

сильевна, кто помер?» Потом долго вспоминают они свою выпавшую на войну молодость, пьют чай из гжели вприкуску с колотым сахаром – по старинке, из блюдец, – сетуя на то, что сахар не тот, что прежде.

Эти рассказы – самое интересное. Главное – их дожидаться, вытерпев очередное обсуждение легкой судьбы какой-нибудь Розы, Изауры или Марии. И вот тогда, удобно улегшись щекой на скрещенные на столе руки, глядя, как кружевные лучи послеполуденного солнца, пробиваясь сквозь тюлевую занавеску, оставляют замысловатые узоры на черной спинке старого дерматинового дивана и на выдавшей вида затертой клеенке в желто-коричневые огурцы, – вот тогда можно услышать что-то действительно стоящее.

Например, про большой пожар в Индии, лет пятнадцать назад устроенный городской сумасшедшей Райкой-Поджигалкой.

Индия – это не та Индия, это дом. В городе вообще много домов со странными названиями. Например, Голубой Дунай – длинный деревянный двухэтажный барак, как и школа, выкрашенный охрой, только с двумя широкими сине-голубыми горизонтальными полосами, тянущимися вдоль всего здания над оконными карнизами. Или прошлого века маленький одноэтажный каменный магазинчик «Продукты», который все называют просто Беленький – из-за его цвета.

Эти длинные неспешные разговоры, перемеженные певучим деревенским цокающим говором Егоровны, вгоняют в послеобеденную дрему – и вот уже как наяву видишь люстру в сгоревшем кинотеатре... Она спускается с высокого, возносящегося к небу потолка бывшего храма во всем своем сияющем медном великолепии – и тут ты вспоминаешь, что, заслушавшись, едва не опаздываешь к осаде замка.

Ноги сами несут по деревянным полуразвалившимся мосткам, доски которых то опасно подламываются, то готовы запустить вверх, словно с трамплина; по черно-серым узким тротуарам из утрамбованного угольного шлака; по немощеным пыльным дорожкам, поросшим по краям спорышом, подорожником и фиолетово-синей дикой геранью. Мимо деревянных домов с выступающими из-под крыш мезонинами и одинаковыми рядами маленьких окон с перемычками по первому этажу. Мимо универсама из белого силикатного кирпича, мимо недавно отстроенного розового банка, кажущегося чуть ли не дворцом на фоне охристо-коричне-

вой серости... В обувь то и дело набивается песок, бежать неудобно, но останавливаться – некогда.

Антоха ждет в условленном месте – у крепостного рва на подступах к замку, что на языке обычных людей означает «у ручья, возле сгоревшего храма». Того самого, который прежде, до пожара, был кинотеатром с невиданной красоты люстрой. Здесь, в овраге, из подернутого ряской пруда, берет начало ручей. Ручей течет оврагом через половину города, до самой реки. В пруду живет самая настоящая выдра.

– А Валерка где? – спрашиваешь ты, запыхавшись.

Новые босоножки от бега по пыльным улицам уже далеко не белые.

– Тихо ты, – огрызается Антоха, – не спугни. – Выдра как раз переплывает пруд. – Не пришел еще.

Солнце еще высоко. Ветра совсем нет. Слово зависают в воздухе снежинки тополиного пуха, мягко планируя на землю. От дороги пахнет теплой пылью и бетонными плитами, от пруда – тиной. Вас роем облепляют мошка и комары, от них то и дело приходится отмахиваться, но выдра – интереснее.

Наконец показывается Валерка в оранжевом мотоциклетном шлеме из отцовского сарая. С собой он тащит еще два – красный и зеленый, по одному в каждой руке. В шлеме ему, конечно, жарко: пот стекает по лбу, крупными каплями срываясь со светлых бровей и с кончика курносого носа, но все три шлема в руках не помещаются,

Подойдя к вам, Валерка складывает шлемы прямо под ноги, в траву, и стягивает с головы свой – его светлые волосы темные от влаги.

– Уфф, ну и жара, – выдыхает он, локтем утирая пот со лба.

– Ты где был? – недовольно спрашивает Антоха командирским тоном.

– Велик чинил. – Утреннего лобового столкновения Валеркин боевой конь не выдержал.

Антоха понимающе кивает.

– Разбирайте. – Валерка слегка поддевает ногой шлемы и снова нахлобучивает на голову свой, несмотря на жару.

Какие же рыцари без шлемов?

Ты, конечно, выбираешь красный. Вы берете мечи из оструганных палок и щиты из фанерных крышек от почтовых ящиков, приготовленные запасливым Антохой. Осада замка не ждет!

и облупившаяся штукатурка красных кирпичных стен. Под ногами – кирпично-цементная крошка, которая при каждом шаге отзывается шероховатым хрустом.

Меж крепких еще столбов, прежде разделявших притворы храма и поддерживавших церковный свод, терракотой преломляются лучи закатного солнца. По углам и на остатках кровли – молодая березовая поросль.

– Нет никакого подземного хода!

– Откуда ты взяла? – Антохины серые с прозеленью глаза смотрят с вызовом и недоверием, темные брови чуть хмурятся.

– Дедушка сказал, он в детстве здесь все облазил.

– Но призрак монашки точно есть! Мне Аркашка говорил, он собственными глазами видел!

Аркашка – Антохин одноклассник, помешанный на всем потустороннем и сверхъестественном. Ты не очень-то веришь в его рассказы про призраков и НЛО.

– Врет все твой Аркашка.

– Вот и не врет! Просто ты привидений боишься!

– Как можно бояться того, чего нет?

– Придумал! – раздается радостный голос Валерки, который кладет конец вашему спору. – Завтра будем играть в охотников за привидениями! Готовьте ловушки!

Пищат комары. Пахнет битым кирпичом. Солнце уже не греет, и красная кладка стен ощущается неприятной влажной стылостью, когда к ней прикасаешься. Над вашими головами вместо некогда великолепной люстры из бабушкиных рассказов – кусок медно-розового с серебристым отливом неба.

Светло будет еще долго, бесконечно долго – всю ночь, а потом еще весь день, а за ним еще и еще...

На рыночной площади по соседству начинает собираться молодежь. В магнитофоне во всю мощь хрипло надывается затертая кассета, возвещая об охватившем город лете, и Антоха начинает ей подпевать: «Тополиный пух, жара, июль...»

Солнце клонится к закату. Крепость повержена. Вокруг – зияющие дыры оконных проемов